

На фото: Павел Аксенов, Евгения Гинзбург, их сын Василий Аксенов

«Ораторствовать тебе не дадим»

К 120-летию со дня рождения председателя Татарского совета профсоюзов Павла Аксенова

28 января исполняется 120 лет со дня рождения Павла Васильевича Аксенова, бывшего с 1930 по 1935 годы председателем Татарского совета профсоюзов, с 1935-го - председателем Казанского горсовета ВКП(б), члена ЦИК СССР. Как жилось в ту пору партийному работнику? Не сказать, что легко. Но и не сказать, что скучно. Были возможности, другим недоступные. Например, получить квартиру в «доме работников науки и техники» на улице Комлева с детской комнатой, автомобиль «форд», прислугу, телефон. Так продолжалось до 1937 года, когда Павел Аксенов и его жена Евгения Гинзбург канули в лагерь...

Он родился в январе 1899 года в богатом селе Покровское Рязанской губернии, в зажиточной семье. К труду привык с детства, окончил два класса приходской школы...

Некоторое представление о Покровском дает такая реплика его сына Василия Аксенова, сделанная много лет спустя: «Огромное село такое, раскиданное на холмах. Как при царе Горохе, так и сейчас стоит, по-моему, без особых изменений. На холмах много усадеб помещичьих...

Когда я первый раз приехал туда с отцом в начале шестидесятых... электричества не было, воду из колодца поднимали журавлем... были коровы, куры, сады – у Аксеновых росло 26 яблонь, – кирпичные дома, крашенные ставни, обширные амбары, емкие погреба, бочки с мочеными яблоками, огурцами, грибами, капуста, мясо да квас, огороды, покосы, поля, лошадь по кличке Колчак – знай живи не тужи да паши...

Но грохнул 1917 год, и Павлуша осьмнадцати лет пошел на «гражданку», ибо был убежден – за рабочее дело. До того успел он потрудиться и в селе пастухом, и на Рязанской железной дороге, и помощником писаря, и членом волостного земельного комитета Покровской волости. По слухам, сперва был в эсерах. С 1918-го – большевик. Секретарь партийкейки в селе. А с осени 1919-го – агитатор политуправления Юго-Западного фронта на станции Ряжск. Затем – инструктор политотдела 15-й Инзенской дивизии. Бился под Каховкой. Брал Перекоп. Начальство его уважало. Сказало: езжай-ка, Аксенов, в Москву. Учись! Сам посудит: двух классов церковной школы разве хватит для нового мира?..

И двинулся Павел в Москву. В Центральный партшколу им. Якова Свердлова. Отучившись, был направлен на парторботу. Трудился в Донецком, Рыбинском, Орловском и Нижнетагильском губкомах РКП(б), а потом получил назначение в Казань. Там-то Павел Васильевич и встретил Евгению Гинзбург, женился, сделал хорошую карьеру.

Энергичный партийец Аксенов занимал все более высокие посты, руководил профсоюзами Татарии, получил квартиру в Доме работников науки и техники – ДОРНИТ, отдыхал на обкомовской спецдаче в Ливадин.

Старших детей не спешили отдавать в школу – опасались инфекции, учителя занимались с ними на дому. Но потом всё же отправили в лучшую в Казани 19-ю школу. Их окружали удивительные мальчики и девочки с замечательными именами-аббревиатурами: Крамия, Ленина, Октябрина, Ленистал и даже Зикатра (Зиновьев – Каменев – Троцкий)...

25 марта 1932 года состоялся IX съезд профсоюзов республики. С докладом о работе Татпрофсовета выступил председатель Павел Аксенов. Налицо – рост производительности труда, борьба за выполнение промфинплана, повышение культурного уровня, две тысячи человек охвачено профучебой. Помогала ему жена – Евгения Гинзбург, преподаватель истории ВКП(б) во втузе мыловаренного завода и руководитель отдела культуры газеты «Красная Татария». Семейство пламенных революционеров – Аксенов и Гинзбург – вы-

полняло сталинский пятилетний план.

В январе – феврале 1934 года председатель Татарского совета профсоюзов Павел Васильевич Аксенов участвовал в XVII съезде ВКП(б) – «съезде победителей». Делегатам вручали подарки. С подарком и вернулся в Казань – привез патефон...

А вскоре на совещании у нового первого секретаря Татарского обкома Альфреда Лепы Аксенов узнал подробности выборов нового ЦК. Против Сталина проголосовало больше 49 процентов делегатов. Это ошеломило. А еще больше поразило, что на первом пленуме нового ЦК при выборах политбюро за Сталина проголосовало чуть больше половины членов, тогда как почти за всех других – большинство. А питерского Кирова избрали единогласно. Лепа не стал комментировать цифры, но сказал, что «хозяин» был в гневе. Еще больше рассердило Сталина, что после выборов Лепу, Станислава Косиора, Павла Постышева, Роберта Эйхе и другие взяли Кирова качать, и тот еле вырвался, крикнув: «Идиоты, вы что – не понимаете, что ваша неуклюжая любовь боком выйдет мне!». Через девять месяцев Кирова убили.

Начались чистки рядов и мытарства Евгении Гинзбург. Летом 1936 года Лепа сказал Павлу Васильевичу: «Знаешь, жена твоя Гинзбург не нравится членам бюро». И Лепе она не нравилась: «...дерзкая, гордая, бестактная, неуважительно относится к руководящим товарищам и их женам, высмеивает установившиеся в активе отношения и вообще является чужеродным телом среди руководящих работников...» Разве такой должна быть жена ответственного партработника? Лепа прямо объявил Гинзбург «не нашим человеком» и посоветовал Аксенову порвать с ней супружеские отношения.

«Тогда бесцеремонность была в порядке вещей», – вспоминал Павел Васильевич. – Более того, Лепа как секретарь обкома был убежден, что выполняет высокую партийную миссию». Аксенов ответил, что «даже папа римский не решился бы возложить на себя функции, которые Лепа присвоил именем партии». А тот печально вздохнул: «Эх, товарищ Аксенов, как жаль, что не захотел ты понять: мы искренне хотели помочь тебе... Придет время, и ты поймешь это, но будет поздно».

Что именно имел в виду секретарь обкома, стало ясно, когда в феврале 1937-го прошло собрание партактива, где Аксенова критиковали за политическую слепоту и потворство жене-троцкистке. Он, однако, нашел в себе силы защищать Евгению. «...Если Гинзбург троцкистка, – сказал Павел Васильевич, – и в той или иной форме вела или ведет борьбу против партии, то буду голосовать за исключение ее из партии. Но ведь доказательств ее вины не было и нет, и принимать на веру то, что о ней говорилось здесь, значит поддерживать клевету». Актив выслушал товарища Аксенова и не принял его доводы. Биения в грудь, проклятий в адрес супруги – вот чего, видимо, ждали от председателя горсовета. И, не дождавшись, в ночь с 4 на 5 февраля на закрытом заседании бюро обкома принудили подать в отставку. Связались с Москвой – секретарь ЦК ВКП(б)

Андрей Андреев (в 1921 году во время дискуссии о профсоюзах стоявший на платформе Троцкого и Бухарина) рекомендовал решить вопрос на месте. Решили. Павла Аксенова отправили в... отпуск.

В первый день его отпуска Евгению вызвали в НКВД. Домой она не вернулась. Павел весь вечер бродил вокруг «Черного оврага». Ждал у дверей НКВД: «...может, дверь... откроется, и жена радостная и веселая пойдет мне навстречу? Дверь так и не открылась...»

В ту же ночь пришли с обыском. Оперативную группу возглавлял хорошо знакомый телохранитель председателя предсовнаркома Татарии Кияма Абрамова лейтенант НКВД Зотов. Он не стал обыскивать детскую, но в других комнатах изъясил книги и документы. В том числе – брошюру, изданную ЦК «не для печати», с письмами Ленина Троцкому по поводу волнений в Грузии в 1922 году. В них Ленин настаивал на отстранении Сталина от подавления беспорядков, объясняя, что тот «относится к категории поваров, способных готовить только острые блюда, и что может принести неисчислимые бедствия». В четыре часа утра чекисты ушли.

Измотанный Павел Васильевич заснул, а утром его разбудил Вася... Сказал, что скучает по маме, а теперь идет гулять. Проводил сына и няню на улицу, Павел услышал звонок. Звонил Веверс. Он продиктовал список вещей и продуктов, которые можно передавать арестованной по мере необходимости. Павел Васильевич понял: это всерьез. Но – конечно же! – лишь до тех пор, пока не выяснится ошибка следственных органов.

Он не ведал, что арест жены – часть огромного плана. Знал об арестах, но был убежден, что сажают врагов, а если и ошибаются, то всё исправляют... Даже беседа с Лепой, шельмование на партактиве и отрешение от поста предгорсовета он не воспринял как предупреждение. Во всяком случае, на это нет указаний ни в воспоминаниях Павла Аксенова, ни его родственников. Он был убежден, что ему ничего не грозит. В этом мнении его утвердил и нарком внутренних дел республики Петр Рудь, принявший бывшего предгорсовета и уверивший его, что у НКВД нет претензий ни к его жене, ни к нему. Надежду дало приглашение в Москву на заседание ВЦИКа, участие в похоронах Серго Орджоникидзе, в торжествах в честь 17-й годовщины образования Татарской АССР, назначение начальником строительства Казанского оперного театра и предложение подписать Конституцию республики.

Лишь исключение из ВКП(б) поколебало уверенность в защищенности. В ответ на попытку оправдаться он услышал: «Ты, Аксенов, не на митинге, ораторствовать тебе не дадим. Положи билет на стол». Выйдя на воздух, он горько заплакал... И после исключения из партии он ходил на работу. Только с узелком – ждал ареста, который и последовал 7 июля 1937 года.

Страшно читать о пытках, которые вынес Павел Аксенов. Когда-то, на войне, он, комиссар, думал: если вдруг попадет в плен – выстоит ли в контрразведке «белых»? Теперь над ним глумились «красные», требуя оговорить

себя и многих людей. Пытки голодом, бессонницей и током сменялись посулами; обещания – избиениями... Павел Васильевич терпел. Но настал момент, и он сдался...

Павла Аксенова сломали. Он написал об этом в мемуарах. Написал, как отказ от показаний повлек тяжелые пытки – он обличал палачей, жаловался, за что был до полусмерти избит прокурором Егоровым и следователем Крохичевым. А показания остались в силе. Это повергало Павла в отчаяние. Что может оживить измученного и отчаявшегося человека? Что может дать утешение томимому в застенке и мучимому укорами совести? Встреча с родными. Но может она и ослабить. Порождать надежды на милость палачей, а то и упования на обретение свободы ценой оговора себя и других.

Девятого ноября 1938 года в здании Верховного суда ТАССР начался процесс. Открытый. Показательный. В качестве свидетелей по «делу Павла Аксенова и его группы» (забрали почти весь аппарат горсовета – зампреда Ковалева, главного инженера Баранникова, всего 11 сотрудников и депутатов) были вызваны 210 человек. Подсудимых защищали адвокаты, в числе которых был Петр Петрович Дивногорский.

На суде Павел Васильевич Аксенов отказался от показаний, данных под следствием. Судья укорил его: мол, вы же всё подписали, признали вражескую деятельность; как объяснить эти противоречия на предварительном и судебном следствиях?

– Мои показания – результат грубого принуждения! – заявил Аксенов.

– Если к вам применяли незаконные методы следствия, почему вы не обратились с жалобой к прокурору республики?

На это подсудимый поведал о том, что последовало за его жалобой. После перерыва судебного заседания свидетели были отпущены до особого распоряжения, публика удалена, а заседание объявлено закрытым.

Дивногорский сказал Аксенову: «Вы сорвали показательное представление». За время процесса опытный юрист с помощью подсудимых сперва добился передачи их дела на новое расследование, а затем и оправдательных приговоров для большинства обвиняемых. Скорее всего, это ему удалось потому, что за три дня до окончания процесса был снят «железный нарком Ежов» и вращение жерновов террора приостановилось.

Узнав об исходе суда, лежавший в тюремной больнице его поделщик Ковалев, потрясенный, умер от разрыва сердца. По свидетельству дочери Павла Майи, освобожденный Баранников приехал к ним в Москву и сказал: «Павел Васильевич не сегодня-завтра будет на свободе...» Но нет. Его дело изъясил из ведения гражданского суда и передали «тройке». Приговор: высшая мера.

Вскоре расстрел Павлу Аксенову заменили на 15 лет лагерей, три года ссылки и конфискации имущества. Шептались: повезло – вступился Калинин...

Павла Аксенова реабилитируют в 1956-м.

По материалам книги Дмитрия Петрова «Аксенов» подготовила Елена Филиппова